

Велика ли угроза джихада в Центральной Азии?

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

CARNEGIE ENDOWMENT

FOR INTERNATIONAL PEACE

За последнее десятилетие на развитие и гуманитарные проекты в Афганистане международными фондами было потрачено более 36 миллиардов долларов. Тем не менее, в стране еженедельно совершается около 400 терактов, а недавние президентские выборы оказались под угрозой срыва из-за опасений избирателей стать жертвами нападений талибов. Положением в Афганистане вот уже двадцать лет озабочено все мировое сообщество, однако больше всех поводов для беспокойства имеют страны Центральной Азии: для них крах государства в Афганистане может означать не только угрозу безопасности, но и возможную победу экстремистских организаций во всем регионе. «Полит.ру» публикует статью Марты Брилл Олкотт, в которой автор прослеживает историю джихадистских движений в Узбекистане и на ее основе рассуждает о том, почему распространение джихада в Центральной Азии сегодня гораздо менее вероятно, чем двадцать лет назад, и чего в действительности нужно бояться соседним с Афганистаном странам. Статья опубликована в журнале [«Pro et Contra»](#) (2009. №2), издаваемом Московским Центром Карнеги.

Существует множество работ, в которых говорится о том, что крах государства в Афганистане и приход там к власти движения «Талибан» или подобных ему сил создаст серьезную угрозу безопасности для стран Центральной Азии. Центральнo-азиатские столицы, несомненно, обеспокоены ухудшением ситуации в Афганистане, и самую большую озабоченность у них вызывает тот факт, что нежизнеспособное государство вблизи их границ предоставляет убежище разного рода террористическим группам, в том числе исламистского толка. Правда, беспокоит центрально-азиатские власти прежде всего то, что подобные группировки могут угрожать гражданскому миру и политическому порядку в регионе, в то время как их способность сокрушить существующие здесь светские или квазисветские государства и на их месте установить исламские режимы вызывает меньшую тревогу.

Не приходится сомневаться, что крах афганской государственности дестабилизирует обстановку по всей Центральной Азии, а на политической, экономической и социальной жизни в Таджикистане, который в этническом и культурном отношении ближе всех к Афганистану, отразится особенно болезненно. Вместе с тем крайне маловероятно, что подобное развитие событий приведет к победе джихадистов в регионе.

Тема данной статьи — провал джихадистских движений в Узбекистане, самом крупном из государств Центральной Азии и ее древнем религиозном центре. В ней исследуются причины неудач этих движений в период распада Советского Союза и позже, когда «Аль-Каида» базировалась в Афганистане (до 11 сентября 2001-го), а также оценивается вероятность их поражения в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Главная трудность изучения причин того, почему джихадисты не достигли успеха в Узбекистане, состоит в почти полном отсутствии информации об их подлинных намерениях. Поэтому так сложно определить, какие социальные движения действительно джихадистские, а какие — нет. Более того, есть группы, объявляющие себя приверженцами джихада, хотя их программы этому не соответствуют, и наоборот, некоторые группы с джихадистской идеологией отрицают свою принадлежность к данному течению, надеясь тем самым уберечь своих сторонников от возможных репрессий властей.

Официальные критерии, используемые в странах региона для выявления джихадистов, тоже мало что дают: в соответствии с ними в категорию «экстремистских» или «ваххабитских»^[1] (читай —

«джихадистских») попадают такие группы, о которых с достаточным основанием можно утверждать, что их цель не более чем заменить светскую власть режимом, основанном на шариате.

Узбекские власти утверждают, что в настоящее время в стране активно действуют следующие «экстремистские» или «ваххабитские» организации: «Хизб-ут-Тахрир-аль-Ислами» (Исламская партия освобождения — это единственная организация, которую власти считают более-менее массовой), «Нурчилар» (бывшее движение «Гюлен»; оба названия образованы от имен: первое — курдского богослова Саида Нурси, второе — турецкого религиозного мыслителя Фетхуллага Гюлена), «Джамаат Таблиг» («Группа посланников»), «Акримийлар», или «Акримийя» (название образовано от имени его основателя Акрама Юлдашева), «Хизб ан-Нусра» (или «Партия победы», ответвление «Хизб-ут-Тахрир-аль-Ислами»), «Мусулмон биродарлар» («Братья-мусульмане»), «Адолат» («Справедливость»), «Ислам Лашкарлари» («Воины ислама»), «Ислом уйғониш партияси» (Партия исламского возрождения), «Товба» («Покаяние») и некоторые другие. (Курсивом выделены названия организаций, которые, как считается, прямо или косвенно связаны с Исламским движением Узбекистана — ИДУ, один из основателей которого, Тахир Юлдашев, все еще жив.) В 1990-х это движение, как и предшествовавшие ему, представляло наибольшую угрозу для светского узбекского государства со стороны исламизма, но все же угрозу не настолько серьезную, чтобы власти не могли с ней справиться, используя в разных пропорциях убеждение, запугивание и силу.

Ислам и джихад в Узбекистане: ретроспектива

В истории Центральной Азии джихад — явление достаточно редкое. Тем не менее неудавшиеся «джихады» прославляются в широко распространенных неофициальных версиях современной узбекской истории. Так, движение басмачей, противостоявшее советскому режиму в Узбекистане в годы Гражданской войны, именуется здесь «национально-освободительным» и мифологизируется как потерпевший поражение джихад.

Широкое сопротивление советскому режиму в Центральной Азии продолжалось с 1918-го до 1922 года, а в отдаленных районах и до конца 1920-х. Но, как и в других регионах Советского государства, оппозиционные силы здесь, во-первых, были организованы намного хуже, чем противостоявшая им все более сплоченная Красная армия, а во-вторых, были крайне разношерстными. Например, во главе вооруженного сопротивления в Центральной Азии стояли такие разные фигуры, как бухарский эмир, хивинский хан и какое-то время один из свергнутых вождей младотурок Энвер-паша. И хотя многие религиозные лидеры поддерживали дело борьбы с большевиками, а некоторые суфийские руководители направляли сюда своих многочисленных сторонников, оппозиция была не только религиозной, но и в не меньшей степени националистической. Многие в Центральной Азии боролись попросту за восстановление статус-кво, то есть такого порядка, при котором основой социальной жизни оставались бы законы шариата (даже в районах, полностью управляемых русскими), а каждая община имела бы мечеть и медресе.

Столь же трудно понять, воспринимаются ли ныне как джихад большинством жителей Центральной Азии восстания против российского колониального господства, происходившие в период с середины 1860-х по 1917 год. В то время многие вооруженные конфликты принимали форму «газаватов дервишей», организованных суфийскими лидерами, которые вербовали боевиков из числа своих последователей. Самый известный из таких газаватов — Андижанское восстание 1898-го во главе с Дукчи Ишаном, учеником шейха Моджаддеди Султан-хан Тора; еще до того под суфийскими лозунгами проходило Кокандское восстание 1873—1876 годов во главе с Махтумом Афтобачи, который тоже опирался на боевиков-суфиев. Те, кто сражались под началом Дукчи Ишана, возможно, были убеждены, что ведут священную войну. Но, как бы то ни было, Андижанское восстание было без особого труда подавлено, и, похоже, память о нем не сыграла заметной мобилизующей роли во время более поздних волнений в 1916-м, когда в результате падения уровня жизни вкупе с массовой мобилизацией населения на принудительные работы по казахским и киргизским общинам прокатилась волна как стихийного, так и организованного насилия. В качестве ответной меры колониальные власти подвергли высылке целые общины, вследствие чего в общей сложности погибло или покинуло регион более полумиллиона человек. В свете этого неудивительно, что свержение царя здесь было воспринято без особого сожаления, хотя при этом никто не предпринял

усилий, чтобы попытаться заполнить возникший вакуум власти.

Но до тех пор, пока большевики не начали устанавливать контроль над территорией Центральной Азии и ликвидировать традиционные местные экономические и социорелигиозные институты, ситуация была относительно спокойной. Не было никаких громких призывов ни к джихаду, ни к борьбе за восстановление чистоты веры. Вопреки этим фактам современные джихадисты предлагают совершенно иную интерпретацию истории. Они ищут корни нынешней политики в прошлом, утверждая, будто ведение джихада в XXI столетии — это исполнение национальных и религиозных заветов предков [2].

Джихад в период краха Советского Союза

У нас очень мало свидетельств того, что жители Центральной Азии воспринимали катаклизмы коллективизации и террора через призму религии. Репрессивная политика советской власти почти не встречала организованного сопротивления. Разве что из Афганистана вернулись некоторые лидеры басмаческого движения, чтобы возглавить местное подполье, деятельность которого свелась в основном к нападениям на небольшие погранзаставы.

В последующие годы было не до джихада: речь шла о выживании ислама и тех, кто ему учил и его практиковал [3]. Сведения о религиозных спорах, которые велись в исламском мире за пределами региона, доходили до дискуссионных кружков, существовавших и в Центральной Азии [4]. Однако ни один из изученных мной материалов по религиозным дебатам не касался темы джихада. Основным предметом обсуждения было то, как сохранить веру и стоит ли распространять ее открыто, — тем самым потенциальные верующие могли бы узнать, что ислам все еще жив.

Вплоть до конца 1980-х организованное или полуорганизованное политическое насилие было в Центральной Азии явлением крайне редким, и ситуация изменилась лишь в начале следующего десятилетия, когда Советский Союз претерпел резкую политическую эволюцию. Поразительно, но в Центральной Азии не было никаких признаков дестабилизации в связи с советской оккупацией Афганистана. Исламские лидеры в СССР были хорошо осведомлены о разраставшемся конфликте в непосредственной близости от южной советской границы, поскольку десятки тысяч советских солдат проходили там военную службу, а некоторые выходцы из центрально-азиатских республик выступали в роли технических экспертов и советников. Но ситуация в Афганистане если и подпитывала религиозное возрождение, подспудно уже шедшее в Центральной Азии, то только косвенно.

Молодое поколение исламских клерикалов, людей подобных Рахматулле-оллома [5] и Абдували-кори (Васаеву) [6], которые позже обеспечивали идеологические ориентиры для лидеров Исламского движения Узбекистана, полагало, что процесс исламизации общества не следует форсировать. Система всеобщего образования, с одной стороны, и почти полное исчезновение из сотни новых, не санкционированных властями религиозных школ; возник и религиозный истеблишмент, признаваемый государством. Духовное управление мусульман Средней Азии (САДУМ) [7], которое с первого момента своего существования старалось вести себя не вызывающе, превратилось в орган, желающий усилить свою роль в обществе и максимально расширить свое влияние на население.

Тогдашний муфтий Узбекистана шейх Мухаммад Содик Мухаммад Юсуф [8] был хорошо знаком с современными течениями ислама, поскольку он учился в Ливии, бывал в других арабских странах и представлял Советский Союз на различных исламских конклавах. Перед ним стояла очень трудная задача: иметь дело с местными властями и жизни общества религиозных учреждений в Центральной Азии — с другой, никак не благоприятствовали быстрой исламизации. Поэтому следовало сосредоточить усилия на распространении веры и обеспечить ее присутствие в общественном пространстве (поначалу хотя бы в небольших городках и общинах, где этнических русских почти не было), с тем чтобы привлечь молодых людей к изучению ислама и вдохнуть в них миссионерский дух.

Повестка дня исламистов не менялась до тех пор, пока в ходе реформ Горбачёва не были сняты многие ограничения на религиозную практику и не было разрешено легально создавать политические и социальные организации. Группы, заинтересованные в распространении ислама, сразу же

воспользовались появившимися возможностями. Были открыты тысячи новых мечетей и одновременно с самой радикальной частью верующих, которая была сосредоточена по преимуществу в густонаселенных и этнически почти полностью узбекских городах Ферганской долины.

Одна из таких общин, в Намангане, со временем почти полностью вышла из-под контроля светских властей, и в 1989 году группа молодых людей учредила здесь организацию под названием «Адолат» («Справедливость»), которая стала вводить исламское «правосудие», основываясь на собственной интерпретации исламского права, допускавшей в том числе и публичные казни. «Адолат» сотрудничала с группой «Товба», организованной в 1991-м и ставшей предшественницей Исламского движения Узбекистана. В совокупности обе группировки объединили в своих рядах несколько тысяч сторонников, соответственно в Намангане и в Андижане, где жил и работал Абдували-кори. В этот период он был самым известным, но далеко не единственным религиозным проповедником радикального толка, и в группу радикальных клерикалов, особенно в узбекской части Ферганской долины, входило немало суфийских шейхов. Появление этих первых групп исламистов не обернулось насилием в Узбекистане, чего нельзя сказать о Таджикистане, где дело дошло до гражданской войны, но здесь сыграли свою роль весьма специфические обстоятельства.

Гражданская война в Таджикистане и возвышение ИДУ

Стараниями Юрия Андропова и Михаила Горбачёва, приступивших к реформированию коммунистической партии, ее власть в Центральной Азии была серьезно подорвана. В Таджикистане лидер советских времен Рахмон Набиев, отстраненный от власти в 1985 году, обманном путем вернулся к руководству страной. Он был непопулярен в народе, и гражданские волнения не заставили себя ждать. К весне 1992-го они переросли в полномасштабную гражданскую войну, в результате которой Набиев в сентябре 1992 года был вынужден сложить свои полномочия. На смену ему пришло временное правительство, в которое вошли и представители исламских движений. Оно просуществовало до ноября 1992-го, когда власть перешла к нынешнему президенту Эмомали Рахмону [9]. Но и при нем вооруженные стычки местного масштаба были обычным делом, пока в 1997 году не было подписано соглашение о национальном примирении. Мелкие группы исламистов чувствовали себя в безопасности на территории страны до 2000-го, после чего они ушли в Афганистан, а затем и в Зону племен, расположенную в приграничных провинциях Пакистана.

Исламистская фракция, бывшая одним из главных участников борьбы, группировалась вокруг Партии исламского возрождения (ПИВ), которую возглавляли Саид Абдулло Нури [10] и Ходжи Акбар Турадджонзода, в прошлом кази-колон — духовный вождь мусульман Таджикистана [11]. Однако эти лидеры, в свое время соперники, не опирались на консолидированную военную силу — они стояли во главе довольно рыхлой структуры, состоявшей из более или менее связанных между собой вооруженных банд, которые вербовали своих сторонников в районах Душанбе и Курган-Тюбе, чтобы противостоять боевикам из Куляба [12].

Многие боевики ПИВ, особенно те, кто пришел сюда воевать из Узбекистана, считали, что участвуют в джихаде. Но цели руководителей движения были гораздо более прагматичными. Это стало особенно заметно после того, как Турадджонзода начал играть большую роль в объединенной исламской группе (известной как ОТО, то есть Объединенная таджикская оппозиция). Лидеры ПИВ стремились к тому, чтобы их партию признали легитимной политической силой, защищенной в правовом отношении, что позволило бы ей претендовать на посты в правительстве (прежде всего в социальной и образовательной сферах), а это, в свою очередь, открыло бы возможность нести ислам в массы.

Ирония в том, что именно вооруженная борьба в Таджикистане дала толчок развитию политического ислама в Узбекистане, так как многие приверженцы ислама в Ферганской долине считали своим религиозным долгом сражаться плечом к плечу со своими таджикскими братьями. И их мотивация только возрастала с конца 1992-го по 1997 год, когда ПИВ уже потерпела поражение, ее лидеры ушли в подполье, а некоторые самые верные ее сторонники стали на путь партизанской борьбы и подвергались репрессиям со стороны режима Рахмона.

Именно в этот период сформировалось Исламское движение Узбекистана во главе с Тахиром Юлдашевым[13] и Джумой Намангани[14]. Сейчас уже трудно судить, в какой момент их приоритеты поменялись и они стали рассматривать Таджикистан как нечто большее, чем просто полигон для обучения и сплочения отрядов, предназначенных для захвата власти в Узбекистане. Власть всегда была для них конечной целью, но, по крайней мере первоначально, бывший десантник Намангани, воевавший в Афганистане, имел в виду лишь поддержку вооруженных исламистов в Таджикистане и командовал здесь узбекским отрядом в составе исламистских сил. Сохранив свой отряд после заключения перемирия и с 1996-го действуя из Кундуза, он в 1998 году привлек к себе внимание талибов, когда они взяли провинцию Кундуз под свой контроль[15].

Как раз в эти годы и Джума Намангани, и Тахир Юлдашев влились в международную сеть джихадистов. Говорят, что Намангани побывал в Саудовской Аравии, а Юлдашев долгое время жил в Пакистане, куда ему уда-лось отправить несколько своих боевиков на обучение. Я располагаю[16] копией письма в пешаварское медресе аль-Хагани от 7 октября 1996-го (на арабском языке) с печатью центра «Муджахеддины Узбекистана» (*Uzbekistan Mujahaddin center*) и подписью Тахира Юлдашева об отправке туда для подготовки четырех человек (одного из Узбекистана и троих из Дагестана). Вполне очевидно, что добиться этого было трудно. Так, один из бывших боевиков ИДУ жаловался, что он тоже хотел учиться в Пешаваре[17], но ему не разрешили, сказав, что он должен остаться и продолжать воевать.

Международные группы джихадистов и исламистов добывали деньги на закупку оружия, помогали мобилизовать боевиков на войну в Чечне и обеспечивали их военными инструкторами. Часть денег поступала непосредственно с Ближнего Востока, сначала исключительно от узбекских эмигрантов, но потом и от более широкого круга сторонников глобального джихада. Основным центром контактов для исламистских групп стал Афганистан, и именно через эту страну шли потоки оружия и денег, скромные в начале 1990-х, но увеличившиеся в середине 1990-х и после прихода сюда Усамы бен Ладена, а в 2001 году достигшие максимума. Эти обильные финансовые вливания помогли Исламскому движению Узбекистана в период, когда вследствие укрепления связей между таджикским правительством и НАТО его боевики были вынуждены уходить все дальше и дальше на территорию, контролируемую талибами.

Еще одним государством, через которое шли потоки оружия, денег и людей, была Турция. Мы знаем о некоторых контактах подобного рода, потому что узбекская разведка следила за видными деятелями Исламского движения Узбекистана, такими, как Тахир Юлдашев.

По сравнению с целями Партии исламского возрождения, цели ИДУ, если исходить из сегодняшних политических реалий Центральной Азии, выглядели гораздо более фантастично: его руководство намеревалось захватить власть именем ислама и править страной по законам шариата.

С этой целью Исламское движение Узбекистана создавало партизанские отряды, обеспечивая им тактико-оперативную и идеологическую подготовку. Какое-то обучение, видимо, велось и в Узбекистане, по крайней мере до 1995-го, но основной объем подготовки партизан до 2000 года приходился на Таджикистан, а позже на Афганистан. Мелкие базы в Узбекистане сначала ускользали от внимания узбекских властей, а когда они переместились в Таджикистан, правительству этой страны потребовались годы давления (включая угрозу применения силы и даже использование ее в небольших масштабах), чтобы заставить боевиков ИДУ уйти из мелких баз в горах к северу от Гарма и из большого лагеря в районе Тавилдара. В последнем жили сотни людей, в том числе много женщин и детей. В результате большинство сторонников Исламского движения Узбекистана и их семей переместилось на север Афганистана. Там подготовка боевиков велась намного более профессионально, а сами лагеря были оборудованы значительно лучше. Правда, некоторые из боевиков воспользовались амнистиями, время от времени объявляемыми в Узбекистане, и вернулись домой.

Трудно сказать, сколько нападений на счету боевиков ИДУ. Информация о взрывах в Ташкенте в феврале 1999-го[18], в организации которых узбекское правительство обвинило движение, путаная и противоречивая. Но ИДУ определенно несет ответственность за крупное восстание в Баткене

(Кыргызстан) в августе 1999 года [19] и за последующее нападение на этот же город в августе 2000-го [20]. Остатки этих групп, возможно, ответственны и за акции в Ташкенте и Бухаре в марте 2004 года [21] и тем же летом за атаки на посольства США и Израиля [22]. Но к тому времени независимые периферийные группы уже действовали на территории Узбекистана.

Учебный курс ИДУ по джихаду

ПЕРВЫЕ ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Автор имел возможность познакомиться с учебными материалами Исламского движения Афганистана середины 1990 годов и примерно 2000-го, а также с фильмами 1998—2001 годов, снятыми в тренировочных лагерях для подготовки боевиков. Самые ранние свидетельства почерпнуты из некоего собрания записных книжек; фотокопии некоторых материалов, содержащихся в них, были опубликованы в журнале *Foreign Policy* в 2003-м [23]. В этих первых лагерях боевиков учили пользоваться огнестрельным оружием советского либо египетского (в этом случае инструкторы, скорее всего, были арабоязычными) производства. Боевиков также обучали делать простейшие бомбы из подручных материалов, причем инструкции по их изготовлению были очень подробными. Часть подготовительной работы, по-видимому, проводилась в Узбекистане, возможно, в рамках деятельности учебных групп «Давитчилар» («Молитва»), но большая часть обучения, вероятнее всего, проходила в лагере ИДУ в Тавилдаре, а со временем в афганских лагерях ИДУ. Получали ли боевики в этих учебных лагерях достаточную боевую под-готовку, неясно, но в фильмах о лагере ИДУ в Таджикистане запечатлены стрельбища и практические занятия с оружием, а из взятых нами интервью можно заключить, что некоторое число боевиков ИДУ прошло специализированную подготовку в лагерях в Пакистане (в середине и в конце 1990 годов).

Трудно также определить, получали ли они сколько-нибудь серьезное религиозное обучение в таких лагерях и подпольных школах, и понять, требовался ли от них хотя бы минимальный уровень религиозной подготовки при поступлении туда. В некоторых записях встречаются отдельные фразы на арабском, но все приводимые выдержки из Корана были на узбекском языке, и можно предположить, что они были записаны со слуха на занятиях. Все обсуждения и другие материалы, касающиеся джихада, также были на узбекском языке.

В этих материалах заметны сильные антисемитские обертоны, хотя об Израиле говорится мало, а о «палестинском деле» вообще ничего. Так что, скорее всего, речь идет о локальной программе действий, а не о вовлеченности в глобальный джихад. Очевидно, что текст собственноручно написан человеком, хорошо знакомым с местными условиями, а не переписан откуда-то. Например, одной из целей объявляется «уничтожение всего сырья, импортируемого из страны неверными, включая фрукты... надо отравить одну или две партии фруктов. Когда это обнаружится... те, кто транспортирует товары... будут тем самым предупреждены один или два раза, а затем весь их товар будет подвергнут конфискации».

Этот текст не позволяет определить, разрабатывали ли командиры какие-либо систематические планы вооруженных нападений. Военный руководитель ИДУ Джума Намангани получил некоторый военный опыт в Афганистане (хотя намного меньший, чем руководители Чечни), так что он был в состоянии проводить не очень масштабные теракты. Но если бы ему удалось добиться хотя бы небольшого успеха, он быстро получил бы внешнюю помощь через свои разнообразные международные связи (чеченские, таджикские, афганские и др.).

«ЛЕКЦИИ ПО ДЖИХАДУ»

В распоряжении автора имеется также текст, который профессор Бахтияр Бабаджанов из Института восточных исследований в Ташкенте назвал «лекциями по джихаду». Местные респонденты сообщили Бабаджанову (который проводил исследования в Ферганской долине в 2001—2005 годах), что они узнают голос Намангани на аудиокассетах с записью десяти лекций по джихаду. Этот текст попал к Бабаджанову в 2000-м или 2001-м, но, поскольку в нем говорится о присутствии лидеров Партии исламского возрождения в Афганистане, записан он, по-видимому, намного раньше — еще до 1997 года. Весьма вероятно, что эти материалы являются «пособием для учителей», обучающихся

джихаду в подпольных школах.

Местное происхождение данного текста подтверждает и то, что в нем очень много местных названий и, напротив, очень мало заимствовано из иностранных текстов. Он написан человеком с относительно невысоким уровнем религиозного образования, по-видимому малознакомым с классическими исламскими текстами на тему джихада.

Один из интересных моментов в данных лекциях — это размышления о проблеме власти. Основатели ИДУ намеревались захватить власть, и хотя их целью было исламское правление, они не были заинтересованы в том, чтобы делить власть с какими-то посторонними исламистскими силами. Они считали себя вполне способными править от имени ислама, и в центре их внимания был Узбекистан.

Скорее всего, этот текст относится к первым годам существования движения, когда оно не получало значительной внешней финансовой поддержки на ведение «священной войны» у себя дома, если не считать средства, поступавшие от узбекской диаспоры в Саудовской Аравии [24]. Трудно сказать, насколько богатыми были эти люди и какую поддержку они фактически оказали, но ближе к середине 1990-х лишь очень небольшие суммы в твердой валюте шли на закупку оружия, боеприпасов и транспортных средств. Возможно, руководство ИДУ полагало, что помощь увеличится, если они захватят контроль хотя бы над одним регионом страны, как это произошло с теми, кто боролся за отделение Чечни от России, или с боевиками в Афганистане и Таджикистане.

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ТРЕНИРОВОЧНЫХ ЛАГЕРЕЙ ИДУ В АФГАНИСТАНЕ

Учение о джихаде, которого придерживалось Исламское движение Узбекистана, становилось со временем все более изощренным, особенно после того, как ИДУ перенесло свои военные операции из Таджикистана в Афганистан, а его связи с «Аль-Каидой» стали более тесными. В одной из записных книжек, датированной 12 мая 2001 года, содержатся фрагментарные записи на тему джихада, которые, по утверждению Бахтияра Бабаджанова, отражают возросшее знакомство с классическими работами о джихаде. Автор также получил доступ к нескольким фильмам, снятым в 1998—2001 годах на киностудии «Джундалла», которая сначала размещалась в лагере в Тавилдаре, а затем в Северном Афганистане. Когда ИДУ перенесло свою деятельность в Афганистан, объем получаемой им финансовой помощи заметно вырос. Эта «студия» и магазин печатных изданий в Афганистане, как показано в фильмах, получили оборудования более чем на миллион долларов, и это отразилось на качестве их продукции. По сравнению с ними фильмы из Таджикистана были намного более примитивными. Хотя в обоих случаях люди, отвечавшие за монтаж, имели как минимум неплохие любительские навыки, материал был скомпонован продуманно, очевидно, с использованием раскадровки, а дубляж и титры всегда соответствовали оригинальному саундтреку. Производились также и радиопрограммы [25].

Похоже, эти фильмы преследовали три цели: обеспечивать вербовку новых боевиков, отчитываться перед спонсорами о проделанной работе и поддерживать должный уровень идеологической подготовки боевиков. Сколько всего было снято таких фильмов и насколько широко их удалось распространить, неизвестно, но при желании некоторые из них можно было нелегально купить в Узбекистане, а в соседних странах это можно было сделать и с меньшими усилиями.

В фильмах, предназначенных для вербовки боевиков, показана увлекательная жизнь моджахедов, заполненная религиозными занятиями, обучением военному делу, а также спортивными тренировками и состязаниями, и все это на базе добротного здорового питания. Эти фильмы должны были побуждать юношей Центральной Азии вступать в отряды боевиков, а в стихах, звучащих на фоне популярных мелодий, разъяснялись цели джихада. В фильмах также содержатся обвинения в адрес администрации президента Узбекистана Ислама Каримова и его самого за проводимую ими политику по отношению к религии и верующим, чем и оправдывается объявление им джихада. Эти ленты стремятся также убедить потенциальных боевиков в том, что Тахир Юлдашев будет более справедливым правителем, чем президент Каримов. Кроме того, эти фильмы должны были создавать впечатление, что Тахир Юлдашев является законным духовным лидером узбеков, для чего

подчеркивалась прямая преемственность между ним и андижанским религиозным деятелем Абдували-кори, исчезнувшим в 1995-м при загадочных обстоятельствах. В фильмах Юлдашев представлен также как более правоверный лидер узбекского ислама, нежели те, которые живут в Узбекистане, сотрудничая с узбекским правительством и поддерживая его, — правоверный, потому что в уставе ИДУ[26] ясно зафиксировано, что движение придерживается ислама ханафитского толка.

Хотя жестокость, по-видимому, глубоко заложена в политической культуре ИДУ, она скорее является отражением всепроникающего представления о низкой цене человеческой жизни, чем сознательной попыткой подготовить боевиков к мученической смерти. В первые годы существования ИДУ боевиков хотя и посылали на задания, при выполнении которых они могли погибнуть, предполагалось, что они все же вернуться живыми. И это было особенно важно, учитывая их немногочисленность. Однако как только ИДУ переместилось в Афганистан и начало (по всей видимости) получать деньги от сети «Аль-Каиды», оно стало побуждать своих боевиков идти в шахиды.

ИНТЕРВЬЮ С ЧЛЕНАМИ ИДУ

Что касается угроз распространения движений джихадистского толка в Центральной Азии, то главная неопределенность здесь состоит в том, захочет ли местная молодежь рисковать жизнью во имя джихада.

В марте 2005-го нам с Бахтияром Бабаджановым удалось взять интервью у шести бывших членов ИДУ, которые вернулись в Узбекистан по программе государственной амнистии и жили дома в режиме, несколько напоминающем тот, что установлен в США для тех, кто состоит на учете как лицо, совершившее преступление сексуального характера. Другими словами, местонахождение этих людей должно быть известно властям. Вопросы, которые мы им задавали, ни с кем предварительно не согласовывались, а сами интервью, насколько мне известно, были взяты (и с разрешения интервьюируемых записывались на пленку) без какого-либо участия властей. Все респонденты вернулись в Узбекистан за несколько лет до этого момента, так что воспоминания относятся к 1994—2001 годам.

Благодаря этим интервью выясняются некоторые интересные детали. Способы вербовки были совершенно разными. Один из респондентов попал в ИДУ через учебный кружок «Даватчилар» в Коканде, полагая, что ему будут хорошо платить за службу (он «умыкнул» невесту, но у него не было денег на устройство собственного дома); двое других были так или иначе связаны с группой «Аль-Куран», члены которой считают, что Коран нужно читать не на арабском, а на узбекском языке, и на этой почве в 1990-х конфликтовали с местными властями; еще один интервьюируемый был фактически похищен его близким родственником Джумой Намангани, к которому он отправился, когда тот ушел в Таджикистан, с целью побудить его вернуться на родину и тем самым спасти всю семью от преследований властей.

Все они сообщили, что жизнь в тренировочных лагерях была очень тяжелой, особенно в Афганистане, где лагерями управлял не Джума Намангани, а Тахир Юлдашев. В лагере в Тавилдаре, который находился под контролем Джумы Намангани, поддерживался строгий порядок в соответствии с исламскими установлениями: боевики не употребляли ни алкоголя, ни сигарет (их продажа в окрестностях была запрещена). Обеспечивать соблюдение этих запретов было не очень сложно, так как вся область вокруг Тавилдара контролировалась Партией исламского возрождения. Те, кто был в лагерях в Афганистане, сообщили, что в промежутках между визитами «арабских» инспекторов пищевой рацион был весьма скудным, а семьи боевиков жили в тесноте и скученности, будучи вынуждены давать взятки, чтобы получить медицинскую помощь и другие социальные услуги. Между тем Тахир Юлдашев размещался в роскошных — по местным стандартам — апартаментах (и это хорошо видно в фильмах).

Люди, с которыми мы встречались, говорили и о распрях между лидерами ИДУ в Афганистане, в основном из-за денег.

В финансовой отчетности бывших членов ИДУ порой фигурировали просто фантастические суммы,

но, по-видимому, здесь и в самом деле вращались крупные деньги. Один респондент сообщил, что за каждого боевика арабские спонсоры платили 10 000—15 000 дол. США. Если такие суммы действительно выплачивались, то лишь малая их часть доходила непосредственно до боевиков. Другой очевидец сказал нам, что ИДУ получало по 200 дол. (вероятно, в месяц) на содержание каждой семьи. Всего в Афганистане жило примерно 150—160 семей, большинство которых прибыло из Таджикистана одной группой. Но видно, ИДУ этого оказалось недостаточно, так как где-то в 1999-м население целой деревни пересекло границу с Таджикистаном (в узбекских автобусах, которые были по этому случаю наняты). Чтобы обеспечить успех этой операции, старейшине деревни и директору школы заплатили порядочную сумму денег. Благодаря переселению удалось обеспечить детьми создаваемое в лагере медресе. (Очевидно, узбекским властям потребовалось несколько дней, чтобы обнаружить пропажу целой деревни с населением около 500 человек.) Эти семьи вернулись (некоторые в Узбекистан, другие в Таджикистан) после 11 сентября, но еще до начала бомбежек. Когда Тахир Юлдашев и Джума Намангани находились в Афганистане, они поделили свои полномочия: Намангани отвечал за военные дела, а Юлдашев — за финансы и другие организационные вопросы, а также выступал в качестве духовного лидера движения. Однако он явно подчинялся во всех религиозных вопросах Мулле Омару, который присвоил ему звание Мульк аль-Амир (то есть ответственный за собственность ИДУ и его безопасность). Намангани же в преддверии бомбардировок территории Афганистана силами коалиции во главе с США получил за боевую доблесть звание Амир аль-Муаминим и был поставлен командовать армией численностью более 45 000 человек. В этой роли он постоянно находился на передовой и был смертельно ранен в бою. Конечно, те члены ИДУ, которые критически относились к Джуме, утверждали, что Мулла Омар пожертвовал им, чтобы сохранить командиров, принадлежащих к его собственной этнической группе. Но быть может, не стоит пытаться увидеть в решении Муллы Омара больше того, что есть на самом деле: ведь смерть в бою за веру есть величайшая жертва, которую способен принести верующий человек.

Заключение

Невозможно предугадать, насколько опасной могла бы в конечном счете стать повстанческая деятельность ИДУ для узбекских властей, если бы не 11 сентября 2001-го с последовавшими за этим бомбардировками Афганистана и введением туда военного контингента НАТО. Но как бы то ни было, на момент начала военной операции западных союзников узбекское правительство было вполне способно справиться с угрозами со стороны ИДУ. После смерти Джумы Намангани Тахир Юлдашев полностью связал свою судьбу с международными джихадистскими силами, которые обосновались в приграничных районах между Афганистаном и Пакистаном.

В первые годы после военной операции сил коалиции в Афганистане небольшие ячейки джихадистов, оставшиеся на территории Узбекистана, по всей видимости, сократили свои контакты с теми группами ИДУ, которые базировались в Зоне племен на афгано-пакистанской границе, и в значительной мере перешли на самофинансирование. Не исключено, что обучение и финансовое обеспечение этих мелких ячеек осуществлялось с территории Казахстана. Однако с возрождением движения «Талибан» и осложнением ситуации в Афганистане все больше денег направляется в тренировочные лагеря ИДУ, что приводит к идеологическим расколам. В 2004-м и 2005-м некоторые боевики, по слухам, подстрекаемые сыном Абдували-кори, пытались возобновить операции в отдаленных районах Таджикистана и Кыргызстана, порождая тем самым опасения, что за этим могут последовать нападения и на объекты в Узбекистане. Нет никаких свидетельств того, что они имели какое-то отношение к побегу из тюрьмы сторонников группы «Акримийя», который спровоцировал волнения в Андижане в мае 2005 года. Но возмущение, вызванное большим числом жертв среди гражданского населения в ходе подавления этих беспорядков узбекскими властями, несомненно, должно было придать боевикам ИДУ дополнительную мотивацию.

Дальнейший распад государственных структур в Афганистане, конечно, повлияет на ситуацию в Центральной Азии, однако это влияние, за исключением Таджикистана, скорее всего, будет косвенным. Таджики, живущие в Памирском регионе (Горно-Бадахшанская область), действительно поддерживают все более тесные связи со своими этническими братьями, обитающими по ту сторону реки Пяндж в Афганистане, чему способствуют и новые мосты через реку, сооруженные при

содействию международного сообщества за последние несколько лет. У памирцев, среди которых большинство составляют исмаилиты, отношения с таджиками-суннитами, как правило, натянутые, тем более что их надежно разделяет сама география (пути сообщения между ними проходят через высокогорные перевалы). Развал афганского государства мог бы дать толчок мощному подъему сепаратизма в Памирском регионе Таджикистана, однако главную роль при этом играли бы не религиозные, а традиционные этнонациональные факторы.

Никакие другие национальности или этнические меньшинства не ищут поддержку в Афганистане. Пакистанские медресе приглашают учиться как узбеков, так и таджиков, но таджиков сюда на учебу приезжает гораздо больше, чем узбеков. Последние же (так же как казахи и киргизы) чаще едут учиться в медресе не Южной Азии, а арабского Востока, который они считают сердцем ислама. Очевидно, что в случае полного коллапса государственной власти в Афганистане проблемы безопасности обострятся во всех государствах Центральной Азии, но самые большие угрозы возникнут из-за активизации в этом случае торговли опиумом и героином. Даже нынешний уровень наркоторговли разрушителен для всех пяти государств, но особенно для Таджикистана и Кыргызстана, где в случае увеличения оборота наркотиков, скажем, вдвое государственная власть может быть непоправимо подорвана.

По сравнению с этой опасностью угроза распространения «исламской заразы» намного меньше. Возможно, когда-нибудь Афганистан снова активизирует свою деятельность в качестве центра подготовки сторонников глобального джихада. Однако очень трудно себе представить, чтобы возродившееся Исламское движение Узбекистана сумело достичь хотя бы таких же результатов, каких оно добилось в середине — конце 1990-х и в 2000 году. При всей остроте соперничества между лидерами центрально-азиатских стран, сотрудничество между ними, особенно в деле противодействия терроризму, сегодня намного более интенсивно, чем десять или даже пять лет назад. Успешная деятельность ИДУ в те годы в большей мере связана с деградацией государственной власти в период распада СССР, нежели с поддержкой исламистских идей населением. Движение процветало во времена исламского возрождения, которое продолжается и сейчас, но, в отличие от того, что было двадцать лет назад, теперь государство намного сильнее, а религиозный истеблишмент стал заметно более зрелым и сложным, чтобы бороться за власть. Тем не менее исламские группы продолжают вербовать новых членов в свои ряды, пользуясь тем, что после двух десятилетий независимости многие жители этого региона страдают от экономических и политических проблем.

[1] Термин «ваххабиты» употребляется довольно широко; иногда ваххабитами называют салафитов, но обычно этим словом обозначают любую группу, выступающую против полномочий поддерживаемого государством Духовного управления мусульман Узбекистана (реорганизованное советское Духовное управление мусульман Средней Азии).

[2] Это стало темой фильма «Призыв» (то есть призыв к джихаду), созданного на так называемой киностудии «Нидо». Так Исламское движение Узбекистана называло группу видеозаписи, работавшую в тренировочном лагере в Афганистане вблизи Мазари-Шарифа, пока лагерь не был раз-бомблен в конце 2001 года.

[3] *Olcott M. B. Roots of Radical Islam in Central Asia. Carnegie Paper No. 77. Wash. D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. Jan. 2007 (опубликовано на сайте <http://carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=18967&prog=zru>).*

[4] См.: *Olcott M. B. A Face of Islam: Muhammad-Sodiq Muhammad-Yusuf. Carnegie Paper No. 82. Wash. D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. Mar. 2007 (опубликовано на сайте <http://carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=19099&prog=zru>); eadem. Sufism in Central Asia: A Force for Modernization or a Cause of Politization? Carnegie Paper No. 84. Wash. D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. May 2007 (опубликовано на сайте <http://carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=19197&prog=zru>); *Olcott M. B., Ziyaeva D. Islam in Uzbekistan: Religious Education and State Ideology. Carnegie Paper No. 91. Wash. D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. July 2008 (опубликовано на сайте <http://carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=21980&prog=zru>).**

[5] Рахматулла-оллома (род. в 1950 году), ученик Хакимджона-кори и Мухаммада Хиндустани. Умер в 1981-м. См.: *Olcott M. B. Roots of Radical Islam in Central Asia*.

[6] Абдували-кори родился в 1952 году в Андижане. В 1990-м получил собственный «приход» в Андижане и проповедовал там до 1994 года. В 1995-м он исчез во время своей поездки в Москву. Предполагается, что он умер или был убит.

[7] Духовное управление мусульман Средней Азии (САДУМ) было создано советскими властями в 1943 году для надзора за религиозной деятельностью мусульман во всех пяти республиках Средней Азии. Управление открыло десять мечетей и два мусульманских образовательных института.

[8] Мухаммад Содик был избран муфтием Узбекистана в марте 1989 года и пробыл на этом посту до середины января 1992 года.

[9] До 2007 года — Рахмонов. См.: *Президент Таджикистана отрезал от своей фамилии русское окончание* // Lenta.ru. 2007. 21 марта (опубликовано на сайте <http://www.lenta.ru/news/2007/03/21/name/>).

[10] Саид Абдулло Нури, умер в августе 2006-го, был основателем Партии исламского возрождения и ее предшественницы «Исламское возрождение» («Nahzati Islom») (1974 год).

[11] Мулла Акбар Турадзонзода — лидер исламского революционного движения в Таджикистане. В 1993—1998 годах заместитель председателя Исламского движения Таджикистана. Был первым заместителем премьер-министра Таджикистана, занимал эту должность до 2005-го. Подробно см.: *Olcott M. B. Sufism in Central Asia*, а также: *Tajikistan: The Established Politician Criticizes the President* // Ferghana.ru. 2009. Febr. 2 (опубликовано на сайте <http://enews.ferghana.ru/news.php?id=994&mode=snews>).

[12] Подробно историю этого периода см.: *Dudoignon S. A. Political Parties and Forces in Tajikistan: 1989—1993* // *Tajikistan: The Trials of Independence* / M.-R. Djallili, F. Grare, Sh. Akiner (eds). N. Y.: St Martin's Press, 1997. P. 52—85.

[13] См.: *Representatives of the Islamic Movement of Uzbekistan Claim that Tahir Yuldashev is Alive* // Ferghana.ru. 2007. Apr. 9 (опубликовано на сайте <http://enews.ferghana.ru/article.php?id=1917>).

[14] Погиб в Афганистане в конце 2001 года. Подробно см.: *Olcott M. B. Roots of Radical Islam in Central Asia*, а также: *Cohen A. Central Asia Beyond Namangani* // *Central Asia-Caucasus Institute Analyst*. 2001. Nov. 21 (опубликовано на сайте <http://www.cacianalyst.org/?q=node/164>).

[15] Подробный анализ взаимосвязи между действиями ИДУ, Объединенной таджикской оппозицией и ситуацией в Афганистане см.: *Mariam Abou Zahab, Roy O. Islamist Networks: The Afghan-Pakistan Connection*. N. Y.: Columbia Univ. Press, 2004.

[16] Письмо найдено среди документов, собранных корреспондентом «Нью-Йорк таймс» К. Дж. Чиверсом и переданных узбекскому эксперту для перевода.

[17] Он хотел учиться в медресе в Хоитободе.

[18] Эти взрывы разрушили несколько зданий в пригороде Ташкента, погибло 16 человек и было ранено более ста. См.: *Pannier B. Uzbekistan: Security Service Rebuts Charges It Knew of Tashkent Bombings in Advance* // *Radio Free Europe/Radio Liberty* 2003. Nov. 28 (опубликовано на сайте <http://www.rferl.org/content/Article/1105161.html>). См. также: *Puzant R. Uzbek Crackdown on Religion Continues Unabated* // *Eurasianet.org*. 2001. Nov. 21 (опубликовано на сайте <http://www.eurasianet.org/departments/civilsociety/articles/eav111101.shtml>).

[19] В августе 1999-го узбекские партизаны (21 человек) проникли в Баткенский район в Кыргызстане из Таджикистана и захватили 13 заложников, в том числе четырех японских геологов, и

удерживали их до октября того же года. См.: *Japanese Hostages Released in Kyrgyzstan* // BBC News. 1999. Oct. 25 (опубликовано на сайте <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/asia-pacific/485082.stm>). См. также: *Kyrgyz Authorities Continue Talks with Guerrillas* // RFE/RL Newsline: Central Asia, Transcaucasia, and Russia. 1999. Aug. 13 (опубликовано на сайте <http://www.atimes.com/c-asia/AH13Ag01.html>).

[20] В августе 2000 года повстанцы из ИДУ снова вошли в Баткен из Таджикистана. Они были хорошо вооружены и участвовали в перестрелках с киргизскими военными. См.: *Blagov S. Kyrgyzstan Muscles Up... But for Whom?* // Central Asia Times Online. 2002. Aug. 7 (опубликовано на сайте http://www.atimes.com/atimes/Central_Asia/DH07Ag01.html). См. также: *Rebels Stage Repeat Performance in Kyrgyzstan* // Jamestown Foundation. Vol. 6. No. 17. 2000. Sept. 8 (опубликовано на сайте [http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews\[tt_news\]=29353&tx_ttnews\[backPid\]=207](http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews[tt_news]=29353&tx_ttnews[backPid]=207)).

[21] В конце марта 2004-го несколько бомб взорвалось в Бухаре, а днем позже еще несколько — в Ташкенте. Всего в результате этих взрывов погибло 47 человек, и это были первые атаки террористов-смертников в Центральной Азии. См.: *Saidzimova G. Uzbekistan: Effect of Tashkent Explosions Still Felt Two Years Later* // Radio Free Europe/Radio Liberty. 2006. Mar. 27 (опубликовано на сайте <http://www.rferl.org/content/article/1067140.html>).

[22] 30 июля 2004 года в Ташкенте одновременно прогремели взрывы возле посольств США и Израиля, а также у офиса Генерального прокурора Узбекистана. См.: *Kimmage D. Analysis: Kazakh Breakthrough on Uzbek Terror Case* // Radio Free Europe/Radio Liberty. 2004. Nov. 15 (опубликовано на сайте <http://www.rferl.org/content/article/1055882.html>).

[23] *Olcott M. B., Babajanov B. The Terrorist Notebooks* // Foreign Policy. Mar./Apr. 2003. P. 30—40.

[24] Добыть информацию об этом сообществе трудно. Оно состоит из людей, проживающих в святых местах и вокруг них и управляющих туркестанскими вакуфами; некоторые из них пришли сюда, спасаясь от советской власти.

[25] Информация получена от бывших членов ИДУ, и, возможно, они просто имели в виду аудио-записи; но возможно также, что материалы ИДУ передавались в эфир арабскими спонсорами.

[26] Данные из того же собрания материалов, обнаруженных в лагерях.

23 сентября 2009, 01:24

Марта Брилл Олкотт